

Периодическое издание «Новости взаимодействия с судебными органами» (JEU) выпускается Отделом по вопросам политики и правового обеспечения (PLUS) и **содержит обзор судебных решений по вопросам предоставления убежища и деятельности УВКБ ООН в области взаимодействия с судебными органами в Европе на национальном и наднациональном уровнях.** Согласно стратегии взаимодействия Европейского Бюро (ЕБ) УВКБ ООН с судебными органами и приоритетам ЕБ в этой области, эта деятельность включает преимущественно судебные вмешательства, неофициальную поддержку юристов в стратегических судебных процессах, а также инициативы в области обучения/наращивания потенциала как извне (для юристов и судей), так и изнутри (для коллег по УВКБ). *Для получения дополнительной информации об этом обновлении и по вопросам взаимодействия с судебными органами, обращайтесь к координатору по вопросам взаимодействия с судебными органами Самуэлю Бутрюшу по адресу boutruch@unhcr.org.*

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

- **Дело «Министр юстиции и равноправия против Л.М.» (*Minister for Justice and Equality v. LM*):** европейский ордер на арест может не вступать в силу случаях, если существует реальный риск нарушения основополагающего права на справедливое судебное разбирательство (стр. 1-3)
- **Дело «Алето» (*Alheto*):** Палестинка не может получить убежище в ЕС, пока она находится под эффективной защитой БАПОР и получает помощь от Агентства, в том числе и в транзитной стране (стр. 3-4)
- **Дело «А. против Миграционной службы Швеции» (*A v. Migrationsverket*):** государства-члены не могут применять положение о «безопасной стране», если оно не включено в законодательство (стр. 4-5)
- **Дело «Ибрагим и другие» (*Ibrahim and Others*):** ходатайство о предоставлении убежища бенефициару дополнительной защиты не может считаться неприемлемым в особо серьезных случаях, связанных с системными недостатками в процедуре предоставления убежища (стр. 5-6)
- **Дело «Яво» (*Jawo*):** передача заявителя в соответствии с регламентом «Дублин» недопустима, если существует риск нарушения ст. 4 Хартии после предоставления международной защиты (стр. 6-7)
- **Дело «Джафаризад Баренджи Рана против Венгрии» (*Jafarizad Barenji Rana v. Hungary*):** Суд поручил парламенту урегулировать ситуацию, когда закон не предусматривает юридического признания гендерной идентичности (стр. 8)

Уточнение: В деле «КНО:2018:94» (о котором сообщалось в выпуске № 25) Верховный административный суд Финляндии постановил, что со стороны заявителя было неблагоразумно проживать в Кабуле по причинам наличия проблем психического здоровья и принадлежности к группе национального меньшинства хазар. В «Новостях взаимодействия с судебными органами» № 25 суд был неправильно именован Верховным судом, вместо Верховного административного суда.

Суд Европейского союза (Суд ЕС)

Дело «Министр юстиции и равноправия против Л.М.» (*Minister for Justice and Equality v. LM*), C-216/18 (PPU), решение от 25 июля 2018 года

Европейский ордер на арест может не вступать в силу в случаях, если существует реальный риск нарушения основополагающего права на справедливое судебное разбирательство

Данное [дело](#) касается гражданина Польши, который является объектом европейского ордера на арест (EAW) выданного польскими судами с целью уголовного преследования за причастность к незаконному обороту наркотиков. После ареста в Ирландии в мае 2017 года, он выразил несогласие с решением о его передаче польским властям по причине проведения в Польше реформы системы правосудия, утверждая, что он подвергнется серьёзному риску быть лишенным права на справедливое судебное разбирательство в связи с недостаточной независимостью судебных инстанций в Польше.

Верховный суд Ирландии обратился в Суд ЕС с запросом о том, должен ли исполнительный судебный орган, рассматривая запрос на передачу, который может привести к нарушению основополагающего права запрашиваемого лица на справедливое судебное разбирательство, сначала установить существование

реального риска нарушения этого основополагающего права вследствие наличия недостатков в системе правосудия Польши и, затем установить, что данное лицо подвергается такому риску, или же для этого достаточно установить, что в системе правосудия Польши действительно имеются недостатки, без необходимости проведения оценки того, подвергается ли соответствующим рискам данное лицо. Верховный суд также направил вопрос о том, какая информация и гарантии должны быть получены от запрашивающего выдачу судебного органа для того, чтобы снизить этот риск.

В своём решении, Суд отметил, что отказ от исполнения европейского ордера на арест является исключением из принципа взаимного признания, лежащего в основе функционирования механизма Европейского ордера на арест, и что это исключение, соответственно, должно толковаться строго. Затем Суд постановил, что существование реального риска того, что лицо (в отношении которого был выдан европейский ордер на арест), будет страдать от нарушения основополагающего права на независимое судебное разбирательство, дает понять, что, таким образом, сама суть этого права способна позволить исполнительному судебному органу воздержаться от применения европейского ордера на арест. В данной связи Суд указал, что сохранение независимости судебных органов имеет важное значение для обеспечения эффективной судебной защиты отдельных лиц, в том числе и в рамках работы механизма Европейского ордера на арест.

В тех случаях, когда соответствующее лицо заявляет, что существуют серьезные и системные недостатки, которые могут повлиять на независимость судебной власти в запрашивающем выдачу лица государстве-члене и на его возможность пользоваться основополагающим правом на справедливое судебное разбирательство, исполнительный судебный орган сначала должен провести оценку соответствующих материалов, которые должны быть объективными, надежными, конкретными и актуальными. Во-вторых, он должен оценить существует ли реальная угроза нарушения права на справедливое судебное разбирательство в государстве-члене, которая связана с отсутствием независимости судов, что вызвано недостатками в системе правосудия. Суд счел, что информация в аргументированном предложении, которое было недавно направлено Комиссией Совету на основе статьи 7(1) Договора о функционировании Европейского союза (касающаяся ситуации в отношении судебных реформ в Польше), особенно актуальна для целей такой оценки.

Далее суд отметил, что требование о том, чтобы суды сохраняли, независимость и беспристрастность имеет два аспекта. Во-первых, соответствующим органам необходимо совершенно автономно выполнять свои функции с обеспечением

защиты от внешних вмешательств или давления. Во-вторых, органы должны быть беспристрастными, что влечет за собой поддержание равной дистанции в отношении сторон того или иного процесса и соответствующих интересов сторон. Этот аспект требует, помимо строгого применения закона, объективности и отсутствия какой-либо заинтересованности в результатах разбирательств. По мнению суда, эти гарантии независимости и беспристрастности требуют соблюдения правил, в частности в отношении состава судов, назначения судей, продолжительности службы и оснований для неучастия, отказа и увольнения их членов. Требование о независимости также означает, что дисциплинарный режим, регулирующий работу членов, должен отображать необходимые гарантии для того, чтобы предотвратить какой-либо риск использования этого режима в качестве системы политического контроля над содержанием судебных решений.

Если исполнительный судебный орган считает (с учетом требований независимости и беспристрастности), что существует реальный риск нарушения основополагающего права на справедливое судебное разбирательство в исходящем государстве-члене, то он должен провести тщательную и скрупулезную оценку того, имеются ли существенные основания полагать, что после передачи лица запрашивающему государству-члену, соответствующее лицо будет подвергнуто такому риску. Детальная оценка также необходима, если государство-член, запрашивающее выдачу, являлось объектом аргументированного предложения Комиссии в отношении определения его Советом как такового, в котором существует реальный риск серьезного нарушения ценностей, упомянутых в ст. 2 Договора о функционировании Европейского союза, и что исполнительный судебный орган считает, что он обладает материалом, свидетельствующим о наличии системных недостатков в отношении этих ценностей.

Однако Суд подчеркнул, что для того, чтобы определить подвергнется ли соответствующее лицо реальному риску, исполнительный судебный орган должен изучить в какой степени серьезные и систематические недостатки могут оказывать влияние на уровне работы судов, обладающих юрисдикцией в отношении дел запрашиваемых лиц. Если будет продемонстрировано, что такие недостатки могут повлиять на работу соответствующих судов, то судебный орган, отвечающий за выполнение ордера, должен провести оценку того, существуют ли веские основания полагать, что соответствующее лицо будет подвергнуто реальному риску нарушения его основного права на независимое судебное разбирательство и, следовательно, сути этого права (с учетом его личного положения, характера преступления, за которое он подвергается

уголовному преследованию, и фактических обстоятельств, формирующих основу для европейского ордера на арест).

Более того, исполнительный судебный орган должен запросить у запрашивающего выдачу судебного органа какую-либо дополнительную информацию, которую он считает необходимой для оценки существования такого риска. В этом отношении, запрашивающий выдачу судебный орган может предоставить любой объективный материал о каких-либо изменениях условий для защиты гарантии независимости судебных органов; материал, который может исключить существование такого риска для соответствующего лица.

Если после изучения всех этих вопросов исполнительный судебный орган считает, что существует реальный риск того, что соответствующее лицо подвергнется нарушению его основополагающего права на независимое разбирательство в запрашивающем выдачу государстве-члене, и следовательно, самой сущности этого основополагающего права на справедливое судебное разбирательство, то судебный орган должен воздержаться от применения европейского ордера на арест, связанного с ним.

Дело «Алето против заместителя председателя Государственного агентства по делам беженцев» (*Alheto v. Zamestnik-predsdatel na Darzhavna agentsia za bezhantsite*), C-585/16, решение от 25 июля 2018 года

Жительница Палестины не может получить убежище в ЕС, пока она находится под эффективной защитой БАПОР или получает помощь от Агентства, в том числе и в транзитной стране

Дело касается жительницы Палестины, зарегистрированной в БАПОР, которая пересекла Иорданию (где провела 23 дня), перед тем как подать ходатайство о предоставлении международной защиты в Болгарии. Она заявила, что возвращение в сектор Газа, где она постоянно проживала, подвергает её угрозе применения пыток и преследования в связи с её деятельностью в области защиты прав женщин, которую не приемлет движение ХАМАС. Кроме того, она заявила, что положение в Газе характеризуется ситуацией неизбирательного насилия. Болгарские власти отклонили её ходатайство по причинам недостоверности. После обжалования Административный суд Софии направил дело на рассмотрение в Суд ЕС для вынесения предварительного постановления.

По этому делу органу первой инстанции не удалось проверить, была ли прекращена защита БАПОР и, следовательно, было ли применено положение о включении ст. 12(1)(а) Квалификационной директивы, второе предложение. Суд

сослался на свое решение по делу «Эль Котт» (*El Kott*) отметив, что это положение «применяется в тех случаях, когда становится очевидным, что, исходя из оценки на индивидуальной основе всех соответствующих доказательств, личная безопасность подмандатного палестинца подвергается серьезному риску и что БАПОР, к которому данное лицо обратилось за помощью, уже не в состоянии гарантировать то, что условия жизни данного лица будут совместимы с их миссией, и что этот человек должен покинуть зону операций БАПОР по не зависящим от него обстоятельствам». Далее Суд отметил, что в статье 12(1)(а) КД «во-первых, излагаются основания для исключения из статуса беженца и, во-вторых, основания для того, чтобы не применять больше это основание для исключения». Это положение определяется правилом *lex specialis*, которое должно применяться в случае с лицом, зарегистрированным в БАПОР и, поскольку целью КД является создание единой системы убежища, крайне важно, чтобы все органы по вопросам предоставления убежища применяли это положение. Суд отметил, что это также касается ходатайств, которые включают заявления на предоставление дополнительной защиты, поскольку сначала необходимо установить, может ли быть предоставлен статус беженца. В данной связи Суд заявил, что положение о включении для палестинцев (второе предложение в ст. 12(1)(а) КД) должно быть интерпретировано как исключаящее положения национального законодательства, которые не транспонируют или некорректно транспонируют это положение, имеющее прямое действие и применяемое, даже если заявитель специально не ссылается на него.

Суд кратко коснулся вопроса о том, что БАПОР не является государственным субъектом защиты (как того требует ст. 7(1)(а) КД), и сослался на то, что Иордания является государственным субъектом «в силу своего согласия о принятии соответствующего лица, признания эффективной защиты или помощи предоставляемой БАПОР на его территории и его приверженности принципу невысылки». Исходя из этого, Суд пришёл к выводу, что палестинская женщина, зарегистрированная в БАПОР, покинувшая постоянное место жительства для переезда в Иорданию перед подачей заявления о предоставлении убежища в ЕС, должна рассматриваться как обладающая «достаточной защитой» при условии, что «будет гарантировано, что она сможет получить доступ обратно в третью страну», «сможет воспользоваться эффективной защитой или поддержкой БАПОР, которая признается либо регулируется этой третьей страной», и что «компетентные органы государства-члена, в котором подано заявление о предоставлении международной защиты, уверены в том, что она сможет находиться в этой третьей стране в безопасности и достойных условиях жизни так долго, как это потребует ввиду наличия рисков в секторе Газа». Суд,

таким образом, постановил, что концепция первой страны убежища Директивы о процедурах предоставления убежища (статья 35(b) ДПУ) должна быть интерпретирована как означающая, что лицо, зарегистрированное в БАПОР, которое получает эффективную защиту и помощь от БАПОР в третьей стране, не являющейся страной постоянного проживания, но являющейся частью района, на который распространяется деятельность БАПОР, должно считаться обладающим достаточной защитой, если предусмотренные условия соблюдены в этой третьей стране.

В целях соблюдения обязательства по обеспечению права на эффективное средство правовой защиты, Суд пришёл к выводу, что государство-член должно гарантировать, чтобы апелляционный суд проводил «полное и последующее (*ex nunc*) рассмотрение как фактов, так и правовых норм, включая, когда это применимо, рассмотрение потребностей в международной защите [...]». Апелляционный суд может также рассматривать неприемлемые основания. В соответствии со ст. 47 Хартии основных прав ЕС, Апелляционный суд обязан также провести собеседование с заявителем, если только суд не считает, что он может провести рассмотрение дела исключительно на основании материалов дела, включая отчет по индивидуальному собеседованию, проведенному государственными органами по вопросам предоставления убежища. Однако при появлении новых доказательств суд должен «предложить заявителю возможность выразить свое мнение, если эти доказательства могут негативно повлиять на исход дела». Далее Суд заявил, что, хотя общих процедурных стандартов в отношении полномочий апелляционных судов принимать новые решения после аннулирования предыдущих не существует, необходимость обеспечения того, чтобы ст. 43(3) ДПУ имела практическое применение, и необходимость обеспечить эффективное средство правовой защиты (ст. 47 Хартии основных прав ЕС) требует, чтобы в случае, когда материалы дела направлены назад в органы по вопросам предоставления убежища, новое решение принималось в течение короткого периода времени и соответствовало оценке, содержащейся в решении, которое аннулирует первоначальное решение.

Дело «А. против Миграционного управления Швеции» (A v. Migrationsverket),

C-404/17, решение от 25 июля 2018 года

Государства-члены не могут применять положения о «безопасной стране», если оно не включено в законодательство

Дело касается гражданина Сербии, который подал прошение о предоставлении убежища в Швеции в марте 2017 года. В 2003 году в Сербии он сообщил в полицию

о группе боевиков, что привело к судебному разбирательству в отношении членов этой группы и, в результате, стало причиной угроз применения насилия по отношению к заявителю. Он стал участником программы защиты свидетелей и проживал в разных местах в Сербии (включая тюрьму) до тех пор, пока не решил отказаться от статуса свидетеля, получающего защиту, и укрыться в своем первоначальном месте жительства. Поскольку он продолжал получать угрозы, он бежал из Сербии, опасаясь преследования со стороны боевиков.

Миграционное управление Швеции отклонило ходатайство заявителя о предоставлении убежища и выдало распоряжение о его возвращении обратно. Ходатайство посчитали явно необоснованным по причине того, что власти Сербии имели возможность предоставить заявителю эффективную защиту, а также по причине того, что заявитель не смог доказать, что страна его происхождения не может предоставить адекватную защиту от угроз, объектом которых он себя считал. В отношении заявителя было выдано распоряжение о необходимости покинуть территорию Швеции с немедленным вступлением в действие в связи с отсутствием доказательств для обоснования ходатайства о предоставлении убежища, и поскольку заявитель также не представил каких-либо убедительных доводов, обосновывающих его заявление на предоставление вида на жительство. Он обратился с апелляцией в Административный суд по вопросам иммиграции в г. Мальмё, утверждая, что та защита, которая ему была предоставлена ранее, была неэффективна (из-за угроз со стороны сербских властей и широко распространенной коррупции в этой стране) и негуманна (потому что он был вынужден жить изолированно в течение многих лет). Суд приостановил исполнение заявителем обязательства покинуть территорию страны и передал дело на рассмотрение в Суд ЕС для вынесения предварительного решения, подав запрос о том, должна ли ст. 31(8)(b) Директивы о процедурах предоставления убежища (2013/32), в сочетании со ст. 32(2) этой Директивы интерпретироваться как позволяющая рассматривать ходатайство о предоставлении международной защиты как явно необоснованное в рамках основного производства в таком деле, как данное, в котором, во-первых, очевидно из информации о стране происхождения заявителя, что здесь ему может быть гарантирована приемлемая защита и, во-вторых, что заявителем представлено недостаточно доказательств для обоснования предоставления ему международной защиты, при условии, что государство-член, в котором подано ходатайство, не внедрило концепцию безопасной страны происхождения в национальное законодательство.

В своем решении Суд отметил, что в шведском законодательстве не существует законодательных норм или положений в отношении безопасных стран

происхождения в смысле Директивы о процедурах предоставления убежища (ДПУ). Несмотря на отсутствие законодательных норм в этом отношении, Миграционное управление отклонило ходатайство о предоставлении убежища как явно необоснованное, опираясь на национальное законодательство и перенося положения ДПУ на основании того, что Сербия обеспечила заявителю эффективную защиту и заявитель не обосновал свои утверждения о том, что Сербия не предоставляет ему адекватную защиту от угроз, с которыми он сталкивается в стране. По мнению Суда, решение, принятое Миграционным управлением Швеции, было основано на аргументах, аналогичных положениям статей 36 и 37 ДПУ, касающихся концепции безопасной страны происхождения, которые, в случае применения государством-членом, включившим эту концепцию в свое внутреннее законодательство, позволяют впоследствии отклонить ходатайство как явно необоснованное в соответствии со ст. 31(8)(b) и 32(2) ДПУ. Если государство отклоняет ходатайство на этой основе, апелляция заявителя на такой отказ может не иметь приостанавливающего эффекта (как в соответствии со ст. 46(5) и (6) ДПУ). Таким образом, Суд отметил, что вышеупомянутое решение государства-члена ссылается на определение государством безопасных стран происхождения в соответствии с процедурой, изложенной в ст. 36 и приложении I к ДПУ, а именно: принятие перечня третьих стран, введения в действие правил выполнения соответствующих положений и уведомление Комиссии о таком перечне или о его периодическом пересмотре. Швеция не выполнила ни одного из этих требований. Государство-член не может полагаться на опровержимую презумпцию, установленную положениями ДПУ, относящимися к процедурам, основанным на концепции безопасной страны происхождения, без полного включения этих норм в законодательные акты, постановления и административные положения, которое государство-член должно осуществить.

**Дело «Ибрагим и другие против Германии» (*Ibrahim and Others v. Germany*),
С-297/17, С-318/17 и С-319/17, Заключение ГА от 25 июля 2018 года**
**Ходатайство о предоставлении убежища бенефициару дополнительной
защиты не может считаться неприемлемым в особо серьезных случаях,
связанных с системными недостатками в процедуре предоставления
убежища**

Генеральный адвокат (ГА) Вателет высказал своё [мнение](#) по этим объединенным делам относительно возможного приостановления передачи из Германии в

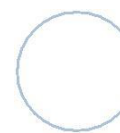
Болгарию лиц, которые уже получили статус лиц, пользующихся защитой в Болгарии, из-за наличия системных недостатков в процедуре предоставления убежища и риска бесчеловечного или унижающего достоинство обращения в Болгарии.

В указанных делах речь идет о палестинцах из Сирии, определенных как лица без гражданства, которые получили статус дополнительной защиты в Болгарии в 2013 году. Затем заявители отправились в Германию, где они подали новые ходатайства о предоставлении международной защиты. Власти Германии отказались рассматривать их ходатайства, утверждая, что другое государство-член уже предоставило им международную защиту, и распорядились об их передаче в Болгарию. Однако соответствующий Апелляционный суд постановил, что данная передача заявителей будет незаконной, поскольку неясно, примет ли их Болгария.

Федеральный административный суд обратился в Суд ЕС с запросом о том, не запрещается ли государству-члену отклонять, как неприемлемое, ходатайство о предоставлении убежища лицу, которому уже предоставлена дополнительная защита в другом государстве-члене (согласно статье 33(2)(a) ДПУ), если, во-первых, этому лицу уже был несправедливо предоставлен вместо статуса беженца статус дополнительной защиты в связи с наличием системных недостатков в процедуре предоставления убежища и нет возможности воспользоваться эффективным средством правовой защиты для оспаривания этого решения, и, во-вторых, если это лицо, несмотря на свой статус дополнительной защиты, испытывает материальные затруднения в нарушение ст. 4 Хартии из-за системных недостатков, и, в-третьих, если это лицо ссылается только на нарушения положений главы VII КД (переработанной)¹, которые не представляют собой нарушения ст. 4 Хартии?

По мнению ГА, то, что бенефициары дополнительной защиты испытывают материальные лишения, является нарушением ст. 4 Хартии, но только в том случае, если в результате их условий жизни они оказываются в «особо тяжелом положении в связи с наличием недостатков системы предоставления убежища». В такой ситуации заинтересованное государство-член не должно рассматривать как неприемлемое ходатайство о предоставлении убежища, поданное бенефициаром дополнительной защиты, и обязано рассмотреть такое ходатайство.

¹ Глава VII охватывает содержание международной защиты, в том числе, что касается единства семьи (статья 23), разрешения на проживание (статья 24), доступ к трудоустройству (статья 26), доступ к образованию (статья 28), социальное обеспечение (статья 29) и здравоохранение (статья 30).

Напротив, государство-член может считать неприемлемым ходатайство о предоставлении убежища, поданное бенефициаром дополнительной защиты, которое основывается лишь на нарушениях положений главы VII КД (переработанной), которые не представляют собой нарушения ст. 4 Хартии. В соответствии с законодательством Европейского союза и, в частности, ст. 18 Хартии (Право на убежище), государство-член не должно отклонять как неприемлемое ходатайство о предоставлении статуса беженца, поданное бенефициаром дополнительной защиты, который таким образом стремится изменить свой статус лица, пользующегося дополнительной защитой, несправедливо предоставленный другим государством-членом в связи с наличием системных недостатков в его процедуре предоставления убежища.

ГА отметил, что в соответствии с положениями КД статус дополнительной защиты уступает статусу беженца в отношении преимуществ получения вида на жительство и социального обеспечения. Учитывая важность права на убежище, как предусмотрено в статье 18 Хартии, заявитель должен иметь возможность продемонстрировать, что широко распространенная практика несправедливого предоставления статуса дополнительной защиты вместо статуса беженца в данном государстве предоставляет собой системные недостатки процедуры предоставления убежища. Также заявитель должен иметь возможность продемонстрировать отсутствие или системные недостатки в отношении возможности воспользоваться эффективными средствами правовой защиты для оспаривания применения этой произвольной практики.

Оценка этих системных недостатков в процедурах предоставления убежища включает в себя конкретную оценку фактов и обстоятельств с обязательством соответствующего судьи принимать во внимание все доказательства и все факты, представленные заявителем.

Дело «Яво против Федерального административного суда Германии» (*Jawo v. Bundesrepublik Deutschland*), C-163/17, Заключение ГА от 25 июля 2018 года

Передача заявителя в соответствии с регламентом «Дублин» недопустима, если существует риск нарушения ст. 4 Хартии после предоставления статуса международной защиты

Генеральный Адвокат (ГА) Вателет высказал свое [мнение](#) по делу, которое касается гражданина Гамбии, который покинул Гамбию в 2012 году и проследовал через Италию в Германию, где он ходатайствовал о предоставлении убежища 23 декабря 2014 года. Федеральное агентство по вопросам миграции и беженцев Германии

подало запрос о его передаче в Италию, так как были подтверждены данные европейской дактилоскопической базы данных Eurodac о том, что заявитель уже ранее подавал ходатайство о предоставлении убежища в Италии. Заявитель должен был быть передан властям Италии 8 июля 2015 года, но это не представлялось возможным, поскольку заявителя не обнаружили в его квартире. Федеральное агентство сообщило итальянским властям, что передача невозможна, потому что заявитель скрылся, и Агентством был установлен предельный срок для передачи заявителя до 10 августа 2016 (ст. 29(2) регламента «Дублин»). Еще одна попытка передачи провалилась, когда заявитель отказался заходить на посадку в самолёт. Обжалование решения о передаче нижестоящим Административным судом, было отклонено. Затем апелляция была удовлетворена, но ее действие было приостановлено для получения предварительного постановления Суда ЕС.

Суд ЕС просят разъяснить, во-первых, что значит «скрываться» в рамках регламента «Дублин». Во-вторых, Суду был задан вопрос, нужно ли ответственному государству-члену соглашаться на продление крайнего срока передачи, установленного в соответствии с регламентом «Дублин». Наконец, указанный Суд спрашивает, недопустима ли передача заявителя в соответствии с требованиями регламента «Дублин» в случае реальной угрозы бедствия после того, как лицу, ищущему убежище, был предоставлен статус защиты в ответственном государстве-члене в нарушение ст. 4 Хартии Европейского союза по правам человека.

По первому вопросу, ГА отметил, что регламент «Дублин III» и ст. 47 Хартии требуют, чтобы заявитель имел эффективное и оперативное средство правовой защиты, которое позволяет ему полагаться на предельный срок передачи в течение 6 месяцев и утверждать, что он/она не скрывался/ась, вследствие чего этот срок не должен быть увеличен. Однако ГА подчеркнул, что государство-член не обязано доказывать намерения заявителя скрываться, поскольку практически это будет очень сложно. ГА высказал мнение, что для увеличения срока передачи до 18 месяцев достаточно того, что заявитель не проживает в предоставленном жилище в течение длительного периода и ответственные органы не имеют данных о его/её местонахождении, при условии, что лицо было проинформировано о своём обязательстве информировать власти об изменении местонахождения.

В отношении второго вопроса ГА установил, что если заявитель скрылся, то срок в 6 месяцев может быть продлён в одностороннем порядке передающим государством-членом до 18 месяцев при условии того, что оно проинформирует ответственное государство-член об этом без задержки и до истечения 6-месячного срока, как указано в Руководстве по имплементации регламента

«Дублин». Кроме того, лицо должно скрываться как во время попытки передачи, так и в момент, когда передающее лицо государство-член информирует ответственное государство-член. Во время информирования ответственного государства-члена, передающее государство-член должно определить срок, в течение которого будет осуществлена передача, который составляет не более 18 месяцев.

В отношении третьего вопроса, ГА посчитал, что вопрос о том, является ли передача лица в соответствии с положениями регламента «Дублин» недопустимой, если лицо столкнется с реальным риском жестокого обращения после предоставления защиты в ответственном государстве-члене, попадает под действие законодательства ЕС. Передача при таких обстоятельствах недопустима, и, таким образом, передача в соответствии с положениями регламента «Дублин» может быть осуществлена только в том случае, если в определенных обстоятельствах совершенно исключается, что передача может привести к реальному и доказанному риску жестокого обращения, противоречащего ст. 4 Хартии после того, как международная защита была предоставлена. Кроме того, в силу принципа взаимного доверия, предполагается, что государства-члены рассматривают бенефициаров международной защиты в соответствии с положениями Хартии, Конвенции 1951 года и Протокола к ней 1967 года, а также положениями Европейской конвенции по правам человека. Этот принцип становится еще более актуален, если государство-член транспонировало, де-юре или де-факто, главу VII КД («Содержание международной защиты»), которая обеспечивает такой уровень защиты для бенефициаров, который эквивалентен или даже выше, чем тот, который гарантирует Конвенция 1951 года. Тем не менее, этот принцип не является неопровержимым. Можно допустить, что существуют серьёзные и очевидные причины предполагать, что существует риск жестокого обращения, что противоречит ст. 4 Хартии в отношении бенефициаров международной защиты из-за условий их жизни в государстве-члене, если эти бенефициары рискуют оказаться в особенно тяжелой ситуации, которая вызвана системными недостатками ответственного государства-члена. Оценка того, присутствует ли такая ситуация в государстве-члене, должна основываться на конкретной оценке фактов и обстоятельств. Обращающийся с запросом суд должен оценивать все доказательства, которые заявитель выдвигает относительно фактов, касающихся условий жизни для бенефициаров международной защиты в ответственном государстве-члене, включая законы и правовые нормы и то, как они применяются. Единичный отчет неправительственной организации не может быть достаточно информативным для целей оценки условий жизни в государстве-члене. В этом случае, вышеуказанный суд должен при вынесении решения

полагаться на другие доказательства и, при необходимости, заслушать мнение свидетеля-эксперта.

Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ)* Судебные решения и коммуницированные дела

* Отдел по вопросам политики и правового обеспечения (PLUS) получает информацию о коммуницированных делах и постановлениях ЕСПЧ из Страсбургского офиса УВКБ ООН

Дело «Тачи Шентурк против Азербайджана» (*Taci Shenturk v. Azerbaijan*), № 41326/17, коммуницировано 5 июля 2018 года Жалоба в соответствии со ст. 3 и риском жестокого обращения в связи с принудительной высылкой

Дело касается принудительной высылки в Турцию заявителя, гражданина Турции, из Азербайджана. Заявитель работал в Азербайджане в частных школах, связанных с движением Гюлена (Gülen movement). Ему был предоставлен временный вид на жительство, который регулярно продлевался. Его временный вид на жительство 9 марта 2017 года был продлен до 9 сентября 2017 года. Власти Турции проинформировали власти Азербайджана 3 июня 2017 года, что паспорт заявителя был аннулирован, и попросили власти Азербайджана арестовать и депортировать его в Турцию.

Заявитель был доставлен в изолятор временного содержания Управления по борьбе с организованной преступностью Министерства внутренних дел (УБОП) 7 июня 2017 года. Ему сообщили, что он будет депортирован в Турцию в этот же день. Заявитель проинформировал сотрудников УБОПа о своем намерении просить убежища в Азербайджане на основании преследования в Турции и обратился к ним с просьбой не депортировать его. Однако его требования были проигнорированы. Находясь в заключении, заявитель сообщил жене и друзьям о своем аресте и предстоящей высылке. Адвокат заявителя подал от его имени ходатайство о предоставлении убежища в Представительство УВКБ ООН в г. Баку, Государственную миграционную службу (ГМС), УБОП и Управление по делам беженцев и перемещенных лиц с прошением предоставить заявителю статус беженца в связи с угрозой преследования и жестокого обращения в Турции. В тот же день Представительством УВКБ ООН в г. Баку был выдан документ о предоставлении временной защиты в отношении заявителя, его жены и детей, действительный до 7 сентября 2017 года, на основании того, что они были зарегистрированы в УВКБ ООН

и их ходатайство о предоставлении убежища находилось на рассмотрении у национальных властей.

Несмотря на ходатайство заявителя о предоставлении убежища и действия его адвоката, 8 июня 2017 года власти Азербайджана депортировали его в Турцию. По прибытии в Анкару заявитель был арестован полицией Турции и отправлен в Конью, где он был заключен под стражу в связи с расследованием по уголовному делу о его предполагаемой причастности к «Террористической организации фетхуллахистов» (FETÖ/PDY).

Заявитель направляет жалобу в соответствии со ст. 3 ЕКПЧ о том, что принудительная высылка его в Турцию подвергла его реальной угрозе жестокого обращения в этой стране. Ссылаясь на ст. 5, заявитель жалуется, что его задержание в Азербайджане было незаконным. Кроме того, заявитель жалуется на то, что в соответствии со ст. 1 Протокола № 7 к Конвенции, его высылка в Турцию нарушает требования настоящей статьи. Наконец, ссылаясь на ст. 13 Конвенции, рассматриваемую в совокупности со ст. 3 и 5, заявитель пожаловался, что у него не было эффективного средства правовой защиты, с помощью которого он мог бы оспорить правомерность своего задержания и высылки.

Разбирательства в Национальных Судах

Дело «Джафаризад Баренджи Рана против Венгрии» (*Jafarizad Barenji Rana v. Hungary*)

Суд поручил Парламенту урегулировать ситуацию, при которой закон не предусматривает юридического признания гендерной идентичности

В настоящее время дело находится на рассмотрении в ЕСПЧ (№ 40888/17), однако, в Конституционный суд Венгрии было также внесено соответствующее предложение. Дело касается признанного иранского беженца, которому была предоставлена защита со стороны компетентных органов по предоставлению убежища Венгрии на основании преследования в стране его происхождения (Иран) по причине его гендерной идентичности, а именно того, что он является транссексуалом. Тем не менее, его действующие документы остаются выданными на лицо женского пола, в связи с чем он запросил проведение официальной процедуры признания пола в соответствии со стандартной процедурой Венгрии. Его запрос был отклонен властями на основании того, что он касается Ирана, и по этой причине данный вопрос не относится к юрисдикции Венгрии.

Конституционный суд Венгрии 21 июня 2018 года отклонил жалобу на основании того, что вопрос по данной процедуре не может быть урегулирован в связи с отсутствием необходимых норм в законодательстве. Однако в пределах своей компетенции Суд установил, что законом не предусмотрено юридическое признание гендерной идентичности и связанного с ним изменения имени для лиц, законно и постоянно проживающих в Венгрии, и что такое упущение является неконституционным, и также призвал парламент урегулировать данную ситуацию к 31 декабря 2018 года. Решение Суда было единогласным.

Дело E-5022/2017, Федеральный административный суд Швейцарии, 10 июля 2018

Возвращение граждан Эритреи возможно даже в случае их призыва на военную службу по возвращении

Федеральный административный суд на основании нескольких отчетов отметил, что все граждане Эритреи, мужчины и женщины, должны на общих основаниях пройти военную службу, которая включает в себя завершение курса военной подготовки, длящегося до шести месяцев, прежде чем они будут привлечены к военной или гражданской национальной службе. Далее было отмечено, что продолжительность службы для призывников непредсказуема и колеблется в среднем от пяти до десяти лет. Условия жизни во время начальной базовой подготовки и во время военной и национальной службы являются суровыми, и были отмечены случаи жестокого обращения и сексуального насилия в ходе курса базовой подготовки и военной/национальной службы.

Признавая, что условия, с которыми сталкиваются эритрейцы в отношении призыва на военную службу, являются суровыми, Федеральный административный суд Швейцарии пришёл к выводу, что это является недостаточным основанием для предотвращения возврата граждан в эту страну. По мнению Суда, такие условия не представляют собой принудительный труд, что в противном случае сделало бы невозможным возвращение лиц в соответствии с положениями Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Суд также подчеркнул, что жестокое обращение и сексуальное насилие недостаточно широко распространены, чтобы иметь какое-либо влияние на данную оценку, и что по возвращении не существует общего риска задержания или бесчеловечного обращения.

***Отчет предоставлен Представительством УВКБ ООН в Швейцарии, отрывок взят из еженедельного юридического обзора ELENA**

Вступление в силу Протокола № 16 к Европейской конвенции о правах человека

Протокол № 16 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, подписанный и ратифицированный 10 государствами-членами, вступил в силу 1 августа 2018 года. Этими государствами являются Албания, Армения, Эстония, Финляндия, Франция, Грузия, Литва, Сан-Марино, Словения и Украина. Протокол подписали, но ещё не ратифицировали Андорра, Босния и Герцеговина, Греция, Италия, Республика Молдова, Нидерланды, Норвегия, Румыния, Словакия и Турция.

Протокол № 16 позволяет высшим национальным судам и трибуналам, как это определено заинтересованными государствами-членами, просить Суд давать консультативные заключения по важным вопросам, касающимся толкования или применения прав и свобод, определенных в Конвенции или Протоколах к

ней. Консультативные заключения, которые будут предоставлены Большой палатой, будут содержать обоснование и не будут носить обязательного характера. Запросы на предоставление консультативных заключений будут приниматься в рамках дел, находящихся на рассмотрении в национальном суде или соответствующем трибунале. Суд будет иметь право принимать запрос или нет.

Ст. 3 Протокола имеет отношение к деятельности УВКБ ООН в области судебного вмешательства, поскольку она гласит: «Комиссар Совета Европы по правам человека и Высокая Договаривающаяся Сторона, к чей юрисдикции относится направляющий запрос суд или трибунал, имеют право представлять письменные замечания и принимать участие в любом слушании. Председатель Суда может в интересах надлежащего отправления правосудия предложить любой другой Высокой Договаривающейся Стороне или лицу также представить письменные замечания или принять участие в любом слушании»

** Выражаем благодарность Представительству УВКБ ООН в Страсбурге. См [пресс-релиз](#)*

